

Юрий Никишов
(Тверь)

ЗА МЕТОДОЛОГИЮ, ПОДОБНУЮ РАДУГЕ

Давняя работа С. Франка «Пушкин как политический мыслитель» сохраняет значение и в наши дни. Она привлекает прежде всего тем, что автор сумел найти в творчестве активно изучаемого поэта такие стороны, ценность которых многими современниками критика (в противовес политизации Пушкина в СССР) демонстративно не признавалась. С. Франк выдвигает задачу «перестать, наконец, смотреть на Пушкина как на "чистого" поэта в банальном смысле этого слова, т.е. как на поэта, чарующего нас "сладкими зву-

ками" и прекрасными образами, но не говорящего нам ничего духовно особенно значительного и ценного, и научиться усматривать и в самой поэзии Пушкина, и за ее пределами... таящееся в них огромное, оригинальное и нецененное *духовное содержание*» [4, с. 35–36]. Идя неторопным путем, исследователь делает ряд наблюдений, не утративших своих ценностей.

Очень любопытно отправное заявление С. Франка: «Каждая эпоха видит и ценит в нем [Пушкине] то, что ей доступно и нужно, и потому новая эпоха может открыть в его духовном образе то, что оставалось недоступно прежним» [Там же, с. 34]. По праву приветствуя новые знания, которые привносит новая эпоха, исследователь непроизвольно проговаривается о корыстном интересе новых эпох, которые оценивают то, что им «доступно и нужно». Картина усложняется, рядом с прогрессом неизбежно проявляется конъюнктурный интерес, который не приближает, а искажает фигуру поэта (это наблюдается и на современном этапе нашей жизни). Приходится считаться с тем, что са-

мо восприятие носит двойственный, субъективно-объективный характер. «Непредвзятого» мнения просто не существует. Взятые «пред» — это и личные качества исследователя, и его компетентность, зрелость. Сколько людей, столько и мнений. Наряду с этим законно и стремление к объективности высказываемых суждений.

Пушкин до самого конца сохранил детскую любознательность. Ему чужд дидактизм, он неутомим в познании предметов и явлений. Поэт часто прибегает к предельному заострению мысли. Возникающая неприемлемая для него односторонность компенсируется поиском альтернативных решений. Но в результате именно в пушкиноведении складывается своеобразнейшая ситуация. С. В. Денисенко сопоставил материалы советской и русской эмигрантской периодики юбилейного для Пушкина 1937 года. Автор приходит к выводу о контрастном единстве мифологизации поэта; никто другой из писателей мирового уровня не обрастал таким обилием противоположных оценок: «Пушкин же — одновременно монархист и демократ, атеист и христианин, россиянин и космополит, русский и "потомок негров", развратник и семьянин (и т. д. и т. п.) — так удобен. И он такой... "наш"! Пушкин, Пушкин... Пушкин — наше все!» [2, с. 72]. Что совершенно уникально, никакие из этих или подобных крайних определений не голословны, а подкрепляются фактами. Но из этого следует, что избирательный (в угоду своим пристрастиям) подход заводит в тупик, что нельзя, обнаружив интересные факты, торопиться строить на них концепцию. Претендующая на достоверность пушкинская концепция должна быть подобна радуге и опираться одним плечом на один ряд фактов, а другим — на прямо противоположный: только в этом случае она станет подлинно диалектической и будет соответствовать особенностям пушкинского мировосприятия.

Концепция С. Франка односторонняя, но надо отдать должное исследователю: он выбирает тему не по моде, а по интересу и делает много дельных, порою тонких наблюдений (так, он выделяет «политический радикализм» Пушкина в «кишиневскую эпоху»; я бы локализовал этот радикализм первой половиной 1821 года). И односторонность заметна, так что нуждаются в уточнениях и верные в своей основе утверждения. Имея в виду либерализм молодого поэта, С. Франк замечает: «Политические идеалы Пушкина были, в сущности, и тогда довольно умеренными: они сводились помимо освобождения крестьян к идее конституционной монархии...» [4, с. 40]. Это верная и точная расшифровка позиции поэта. Но консерватизм позиции компенсируется бурным поэтическим темпераментом; поэтические строки, избыточные романтическими эмблемами, лишь намекающими на предмет, звучат зажигательнее, чем их реальный сдержанный смысл.

Исследователь склонен преуменьшать оппозиционность Пушкина: «"Вольнолюбивые мечты" ... соединялись в ту пору у Пушкина, как известно, с буйным молодым весельем и в этом слое душевной жизни явно не имели серьезного значения» [4, с. 40]. Если б это было так, мятежники после 14 декабря подлежали бы забвению. На деле видим иное. Свидетельствует А. Ахматова: «Пушкину не надо было их вспоминать: он просто их не забывал, ни живых, ни мертвых» [1, с. 157].

С. Франк признает только возрастное изменение взглядов поэта: «Политическое мирозерцание Пушкина, начиная с 1826 года, окончательно освобождается и от юношеского бунтарства, и от романтически-либеральной мечтательности и является как глубоко государственное, изумительно мудрое и трезвое сознание, сочетающее принципиальный консерватизм с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию» [4, с. 54]. Этот тезис становится опорным: «С 1826 – 1827 годов политическое мировоззрение Пушкина существенно уже не изменялось...» [Там же, с. 55]. Это – явное упрощение.

Личная судьба поэта оказалась в прямой зависимости от работы следственной комиссии по делу декабристов. Поскольку прямого участия Пушкина в заговоре не было, оставалась надежда не только не усугубить наказание, но освободиться от прежнего. Но с каким чувством принимает Пушкин освобождение? Он пишет в официальном по тону письме к Жуковскому: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости» [3, т. 10, с. 158]. Здесь нет раскаянья в былом вольнодумстве и отречения от него! Это шаг к компромиссу – да, но не более того.

Свой шаг к сближению с правительством Пушкин делает вполне осознанно. Сам поворот нет оснований воспринимать неожиданным. Пушкин гордится своим шестисотлетним (по отцу) дворянством, имея в виду в первую очередь обязанность мыслить государственно. Потомственный дворянин – верноподданный государя, но в той степени, в какой его воззрения совпадают с царским повелением, что бывает не всегда («Упрямства дух нам всем подгадил» [Там же, т. 3, с. 198], с удовлетвореньем отметил поэт в «Моей родословной»). И творчество Пушкина после 1826 года не однотонно (по С. Франку), а движется по двум линиям – государственнической и оппозиционной.

Положение поэта вблизи правительства Пушкин пробует понять как способ влиять на него. Попытка «урока царям» предпринята в «Стансах» (1826) и мотивирована в послании «Друзьям» (1828). Та же позиция подтверждена даже в написанной по царскому повелению за-

писке «О народном воспитании» (1826). Успеха на этом пути поэт не имел, но первой осечки было еще мало, чтобы менять позицию. Она повторена в 1831 году как реакция на польское восстание («Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина»). При этом государственническая позиция Пушкина не нуждается в искусственном взбадривании: стихи и мысли, высказанные в письмах поэта (причем разным адресатам!), вполне созвучны.

Пушкин одобряет ряд действий правительства, потому что с ним солидарен; у него нет пиетета перед правительством только потому, что оно — правительство. Наиболее резкое расхождение наблюдается в отношении к декабристам. Царь, напуганный четырнадцатым декабрём, был жесток и мстителен; Пушкин очень надеялся на его милосердие. Поэт обманулся в своих ожиданиях — в том не его вина. Для него каторжники навсегда останутся «друзьями, братьями, товарищами». Это закреплено в целом ряде произведений: «И. И. Пущину» (1826), «Во глубине сибирских руд...», «Арион», «19 октября 1827» (1827), «Эпитафия младенцу» (1828), «Когда порой воспоминашь...» (1830). С. Франк счел нужным отметить, что «в отрывках 10-й главы Онегина Пушкин дал уничтожающую характеристику декабристов...» [4, с. 51], распространив на все движение пушкинскую оценку раннего либерального брожения. Между тем поэт включил декабристскую тему в печатный текст романа — как звено портрета своей многоликой музы в восьмой главе:

И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей [3, т. 5, с. 143].

А в серию заключительных прощаний включена и такая персоналия: «Иных уж нет, а те далече...» [Там же, с. 163]. Не об отвлеченном гуманизме, а о конкретном заступничестве за сибирских узников идет речь и в итоговом «Памятнике»: «И милость к падшим призывал» [Там же, т. 3, с. 340].

Компромиссная позиция — уязвимая позиция. Человеком посередине недовольны и те, кто слева, и те, кто справа. Приходилось выбирать. Для Пушкина важной вехой на этом пути стало стихотворение «Анчар» (1828). Власть (князь, царь) показана более опасной, чем древо яда, которое грозит гибелью живому только локально, вокруг себя, тогда как человек, по воле владыки, посредством напитанных ядом послушливых стрел широко раздвигает зону гибели. «Анчар» — отчет-

ливый знак остережения для поэта на его пути сближения с правительством. Но принять жесткое решение Пушкин не торопится. Понадобился и еще опыт общения с царем в начале 1830-х годов. А было ли принято окончательное решение? Если да, каково оно?

Сравним два стихотворения — «Стансы» и «Пир Петра Первого» (1835). В обоих во главу угла, примером для подражания выдвинута фигура Петра, царя-преобразователя. В обоих из многогранной деятельности монарха (пожалуй, даже несколько нарочито) выделено его милосердие. Существенная разница в том, что в первом случае есть прямое напутствие Николаю следовать великому пращуру «во всем», но непременно и в милосердии («будь... памятью, как он, незлобен») [3, т. 2, с. 307]. Опять-таки это пожелание не абстрактное, а конкретное: да, бунтовщики нарушили закон, они наказаны; но это не уголовные преступники, они хотели добра России; правительство показало свою силу, и оно подтвердит силу, проявив милосердие.

В 1835 году ждали царского манифеста к десятилетию царствования; такие, как Пушкин, ждали освобождения каторжников. Манифест появился, но ожидаемого милосердия в нем не было. «Пиром Петра Первого» Пушкин, вместо традиционной программной статьи издателя, открыл свой журнал «Современник». «Пир...» очень своеобразно перекликается со «Стансами», где был прямой «урок» царю. В «Пире...» урока нет, зато переключкой стихотворений есть прямой укор: великий монарх умел отпускать подданным их вину, а ты...

Нелегко решался вопрос, где быть: в союзе с властью — или в оппозиции к ней. Напряжение рождало и усталость, искавшую разрядку даже в мечтах о несбыточном («Монастырь на Казбеке», 1829) или в симпатии к образу жизни, явно недоступному в личном плане («К вельможе», 1830). Последнее из прерванных судьбою размышлений —

Зависеть от царя, зависеть от народа —
 Не все ли нам равно? Бог с ними.
 Никому
 Отчета не давать...

Из Пиндемонти

При всем том политический интерес Пушкина в последние годы его жизни ничуть не слабеет. Так в лирике («Он между нами жил», «Песни западных славян», 1834, «Полководец», 1835). Тут даже подмывает сетовать на темперамент поэта: себе дороже было гусей дразнить («На выздоровление Лукулла», «В Академии наук», 1835). Так в поэмах «Медный всадник» и «Анджело» (1833). Так и в прозе:

«Дубровский» (1832–1833), «История Пугачева» (1833), «Капитанская дочка» (1835). Да, для «чистого искусства» это явно тяжеловато.

Итак, не отбирать выгодные для себя факты, а видеть всю их совокупность – вот первое условие для выработки претендующей на достоверность пушкиноведческой концепции. Но даже и единичный факт надо уметь видеть в его диалектической противоречивости. С. Франк пишет о поэте: «Он с ужасом думал о крестьянских бунтах – "не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!"» [4, с. 65]. Так оно и есть на деле, и не поспоришь ни с поэтом, ни с критиком. Но факт надо видеть объемно: в нем и предостережение правительству. Ничего отрадного в русском бунте, и пусть он бессмысленный, но он прорвется, если не побеспокоится власть. Так было в истории: выхолостили помещики крестьянскую реформу, а в результате получили, что заслужили: крестьяне поддержали революции в 1905 и 1917 годах.

Будем опираться одним плечом на один ряд фактов, а другим – на противоположный – увидим все многоцветие радуги. И это не самоцель. Только так мы приблизимся к пониманию Пушкина.

Список литературы

1. Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки. Горький, 1984.
2. Денисенко С. В. Пушкин 1937 года. Каким он был? (По материалам советской и русской эмигрантской периодической печати) // Четвертая международная Пушкинская конференция. СПб., 1997.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1977–1979.
4. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. М., 1999.